

Два прозаических послания из письмовника XVII в.

В XVII томе ТОДРА нами опубликованы два неизвестных стихотворных послания из рукописного письмовника середины XVII в. библиотеки Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина (КПИ, инв. № 29).¹ В этом же письмовнике интерес представляют и другие произведения жанра посланий, но писанные прозой, например два послания на лл. 71—73 и 73 об.—75 об. Оба послания, по нашему предположению, являются списками с реально существовавших произведений. Об этом несомненно свидетельствует содержание той части письмовника, в которой они находятся.

Письмовник можно разбить на три раздела. В первом (лл. 1—13) приводятся образцы «предисловий» («зачинов») к посланиям к разным духовным и светским лицам.

Второй раздел (лл. 14—46) содержит уже образцы посланий, в том числе челобитных, также к разным лицам и на разные случаи. О том, что мы здесь имеем дело с образцами посланий, можно судить по тому, что в их текстах встречаются выражения «имярек», «рцы имя того, от кого пишешь», «месяцу имярек и числу, потом дело пиши» и др. Но и в этом разделе есть три самостоятельных произведения. Это опубликованное стихотворное послание Стефана к справщику Арсеню Глухому (лл. 34—38 об.), челобитная московскому патриарху (лл. 32—33 об.), автором которой предположительно является Арсений Глухой,² и «изветная» челобитная монаха какого-то монастыря митрополиту Симону Казанскому и Свяжскому на недостойное поведение одного из монашеской братии (лл. 39 об.—42).

Третий раздел письмовника (лл. 47—77) начинается опубликованным списком стихотворного послания, как мы полагаем, С. И. Шаховского к Д. М. Пожарскому (лл. 47—58 об.). Затем следуют: «Двоестрочия» (вирши) Герасима Даниловича (Смотрицкого) в Острожской библии 1581 г.; два послания старца Елеазарова монастыря Филофея к царю Ивану IV — первое на звездочетцев и латинян (лл. 60 об.—68, с сокращениями) и второе об исправлении крестного знамения и о содомском блуде (лл. 68 об.—70 об., отрывок, опущен конец); выписка из напечатанного в Соборнике в 1642 г. Послания восточных патриархов к царю Феофилу (лл. 75 об.—77, с присоединением отрывка из какого-то послания). Именно

¹ См.: И. Ф. Голубев. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.—ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 391—413; на стр. 605—607 дано краткое описание рукописи.

² Там же, стр. 393.

в этой части письмовника в таком окружении помещены и публикуемые два послания. Это, повторяю, позволяет сделать предположение, что перед нами списки определенных посланий, а не обычные образцы статей письмовника. К этому же выводу приводит и рассмотрение их содержания.

Первое публикуемое нами послание не является цельным произведением, а представляет отрывок. В нем нет традиционного риторического начала, «предисловия», обращения к адресату, образцы которых даются в письмовнике. Оно начинается картинным сравнением с хранилищами и источниками вод и реками различного вида монашеского сожительства, как хранилищ «божественной премудрости», и самих монахов, как носителей этой премудрости. Автор и самого адресата называет «источником словесных вод», так как ум его «озарился светом божественной благодати». Отсюда ясно, что адресат — лицо духовное. Это подтверждается и тем, что автор, обращаясь к адресату, называет его «отче преподобный», «избранниче Христов», «святче божий». Писавший же, напротив, человек мирской. Так можно судить по данной им себе характеристике: «увы мне, волею своего разума отлучихся от царския вечера» (л. 71 об.), «и о сем рассужения не имам не до совершенныя в разуме учения ради житейския суеты» (л. 73). Видно также, что автор и адресат и ранее обменивались посланиями. Составитель послания отмечает, что адресат «напаял сердца неразумных преже реченных» (л. 71), «писанием соглядал еси мое непотребство» (л. 72), что «много понужах твою святость своим неразумием» (л. 72 об.). Автор позволяет себе и на этот раз «дерзость» обратиться к адресату за помощью, но колеблется, «яко трость ветром». Автор восхваляет ум адресата, послания которого «сладки паче меда и сота не извитием словес, но глубиною разсужения» (л. 72 об.). В то же время он подчеркивает «немошь» своего ума и бессилие своего языка: «Веси бо, о совершенне уме, — пишет он, — яко косно и несовершенно гугниво гласанье мое ... поне ни нашим языком не обыхох глаголати премудростных словес, ниже многия книги обоженыя проницах» (л. 72 об.). При этом составитель послания приводит в оправдание нищеты своего ума уже знакомую нам по другим памятникам древнерусской письменности формулу самоунижения: «Веси бо, всечестный господине, яко не во Афинех радилься есмь, ни у философов премудрости учился есмь, ниже чина учимых известно вем, но есмь поселянин и невежда» (л. 71 об.).

Весь разобранный отрывок представляет произведение, полное риторических фигур и оборотов, и свидетельствует о том, что автор его был человек «книжный», знакомый с эпистолярной формой своего времени.

Автор и адресат второго публикуемого послания — лица духовные. Адресат называется «отче», «Христовым рабом» и тут же — «господином о Христе» (л. 73 об.). Все послание построено в стиле «епистолий» к старцу или вообще к лицу духовному, с соответствующим «извитием словес». В послании ясно указана причина написания: автор пишет, что «ныне изнемогает умом, во глубину въпад сомнения» (л. 74). По-видимому, в оригинале послания указывалось далее, в чем автор испытывал сомнения, в каких вопросах, так как за этим следовало: «и что нашего настоящего прошения разум (содержание, — И. Г.) предиды (в дальнейшем, — И. Г.) слово скажем» (л. 75). Однако составитель письмовника (или писец) на этом собирався закончить список послания и поставил в конце слово «аминь». Но что оригинал послания на этом не кончался, видно из того, что за словом «аминь» следует добавление текста, которое автор начинает словами «по сих», т. е. «после того», и в котором благодарит адресата за его писания и просит «отписать» о каких-то «тех вопросах». Это добавление и является, по-видимому, настоящим концом посла-

ния, что подчеркивается вторично стоящим после этого текста словом «аминь». Можно полагать, что составитель письмовника (или писец) опустил эти вопросы или потому, что их было много и они занимали много места, или скорее всего по той причине, что его интересовало не содержание посланий, а их эпистолярная форма, как соответствующая тем образцам, какие даны ранее в письмовнике (сократил же он, например, и помещенные здесь послания старца Филофея).

Помещение посланий в письмовнике вслед за посланиями старца Филофея, на наш взгляд, не случайно. Не адресованы ли они были в оригинале именно этому старцу? Тогда решается вопрос и о времени составления их, тогда определяется и их литературное значение как произведений эпистолярного стиля XVI в.

Кто же были авторы наших посланий? Известно, что Филофей писал не только дьяку Мисюрю, но также к некоему «богомольцу» Иоанну Акиндеевичу. Так, последнему было направлено послание «о злых днях и часах», повторяющее послание дьяку Мисюрю против звездочетцев и латинян.³ Послания же дьяка Мисюря и Иоанна Акиндеевича к Филофею пока не обнаружены. Не являются ли публикуемые отрывки неполными списками с не дошедших до нас посланий дьяка Мисюря (первое) и Иоанна Акиндеевича (второе), в которых авторы их делились с адресатом своими сомнениями о звездочетцах, латинянах, злых и добрых днях и часах? Однако говорить об этом пока, за отсутствием более ясных доказательств, можно только предположительно.

I

Якоже неизмеримая глубина тучит без зависти источники вод, и источники паки пускают недержимыя реки, и реки проливающеса землю напаяют сотворити плод, хлеб на пищу и вино на веселие человеком, чловецы же насыщающеса совершают писаная, сица бо богомудренней и сердечней скрываются совершися, озари бо ся ум твой светом божественныя благодати, великий бо источник изливаеши словесных вод, напаяеши сердца неразумных преже реченных, яже по бозе восприем, и паки покушаюся рещи, еже есть неизмеримая глубина благодати и человеколюбия божия премудрость. Въменяемии же источники суть святая места сожителства монастыреве, вифаида и скиты и тавенейсиоты,⁴ и кроме держимыя реки вы есть явленно же и неявленно малодушныи исправи. Овии же от вас суть патрикии, иннии синглиты, || другия же стратилаты, прочая магистры. Есть же егда и епархи, другие же тироны, сюду и обоюду учаще и наказующе, иннии же вас святым духом подвизаемии, явленно же и неявленно малодушныя исправляет. Твое бо благородство, о вожде-ленне, от многих возвестих си, неяко претыкая в словесех или искушая дух твой, ниже паки милостыня богом дарныя⁵ ти премудрости созерцати, но в ревности бо жало некако есть ко благому. Веси бо, всечестный господине, яко не во Афинех родился есмь, ни у филофов премудрости учился есть, ниже чина учимых известно вем, но есмь поселянин и невежда, якоже видиши. Болезнь очесе яви солнце, неразумие же явиша глаголи, и известит ти Христово речение. Увы мне, волею своего разума отлучихся царския вечера. Блажен есть и треблажен, иже снестъ обед во царствии божи. || Аз бо убог и твоея святыни умиление видех же прочее еже твоея светлости немерцающая доброта, и тме страстей неприкосновенное твое

л. 71

л. 71 об.

л. 72

³ В. М а л и н н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 363—364.

⁴ Так в ркп. ⁵ Так в ркп.

сердце и превознесенным разумом и любезноумными очима, еже реку, и писанием соглядал еси мое непотребство. Се уже множицею посещения твоего прочтох и ужасохся, еже выше дел звание, в прочем же велми ползovahся о твоей смиrenomудрости ко прошению моего худаго умишка. Сия и на дерзость подвиже мя, дабы обрести добрый ум, несть бо потреба мудръствовати, есть бо полезно в разсужении совет имети, и сего ради с нуждею и со многим трудом трость восприях и отнюд весь свой ум собрав. О, моего безумия дерзости, имея умное уже кратко и почерпало утло, и како почерпу или испию толикакия глубины источника премудрости воду.

л. 72 об. Сладка бо суть словеса твоя паче меда || и сота не извитием словес, но глубиною разсужения. Веси бо, о совершенне уме, яко косно и несовершененно гугниво гласанье мое, и инех язык глаголанья неискусен есмь, поне ни нашим языком не обыхох глаголати премудростных словес, ниже многия книги обоженя⁹ принциах, сокровенных же не буди ми ни слушати. Аще же довлеет умное твое и святое произволение и добре учаще учения и разума истиннаго всеизрядное таинство к божией воле, посети ума моего немощь, отче преподобный. Аще и много понужах твою святость своим неразумием, но избранниче Христов, не стужи си, подобаше бо ти сребро господина своего дати торжником, мздовоздатель бо есть бог, по числу добродетелей и по мере дарования, дая от душа тружущимся его ради. Святче божий, не гнушайся бога ради моего безсловесия

л. 73 дерзостнаго. Аще не бы || надеялся на твое благодушество и смиrenomудрие, то могл бых зрети на твое святолепное лице своима марчными очима, неже превознесену молбою к богу уму твоему беседовати. Аще бо живописанная часть малу во время получих. И о сем разсужения не имам не до совершенных в разуме учения ради житейския суеты, якоже выше рекох. А едином писменам чернилом сложенными словесы ни мале обычай о сем разумех, но дерзостию неразумей⁷ пишу, яко трость ветром колеблема семо и овамо. Тебе же, всеизрядне, о честный уме, написаша бо духом движимая словеса на крижалех⁴ животных внутрь сердца твоего. И ты бога ради клятвы не наноси на меня, но молитву сотвори о мне к богу дерзости ради моя.⁶

(КПИ, № 29, лл. 71—73).

II

Ко старейшему ми Христову рабу, ко священной твоей души, пречестнейшему в человецех || и преизячному разумом и благодарством плоти цветущему, и мне о Христе сладчайшему моему господину нищий велия ти славы метание сотворяю з духовным порадованием преподобствия стопам ногу твоею о земьствии матери всех нас. Мнит ми ся, отче, подобает недомышляющемуся не стыдиться о них же недомыслено исповедати свое неразумие мудрейшим. Аз бо ничтоже непущую безвестно или вне разума мудрейших вопрошати, яко да добр совет введут и неразумие на разум⁸ на разум⁸ предложат и томящуюся мысль добре упокоят и совесть утолят и чювьство утишат. Сице бо и врачеве творят от зельных болезни страждущаго и многомыслие от смерти имеюща и искусом великим свое художестве проходяща некоторым зелием успивают и много-

л. 74 мыслие смертное съемлют. Аз же ныне || изнемогаю умом, во глубину

⁶ Так в ркп. ⁷ В ркп. в слове ме стоит «ять», так что, возможно, надо читать неразумия. ⁴ Так в ркп. ⁹ На этом текст данного послания, по-видимому, обрывается. Далее следует несомненно новое послание, так как текст начинается абзацем и по стилю отличается от предыдущего (см. II).

⁸ Так в ркп.

въпад сомнения, прошу и мил ся дею, да ми некая целебная присыплеши и мое неразумие упокоиши и заповедь господню исполниши. Аще и стужати тебе срамляюся, молчати же утесневаюся, не премолчит бо во мне многопытный мой помысл, хоцет ведети, ему же несть господин, тцтится найти, его же несть изгубил, мыслит чести, его же несть изучил, хоцет победити, ему же несть победим. Тем же аще ты силна и богата сотвори бог, ими же благодательствуется душа, давай просящему у тебе господа ради, весь день рече милуя и взаим дая слово божие и приемля любо- трудне заимъство с лихвою. Таковая бо творяще сладце подаваема просящему с любовию многая даруется. Сия бо главизна любви многая пишется, а идеже есть любви || по бозе, тамо всем заповедем совершение. л. 74 об.

Сия бранем отъятие и любопрения исчезновение, якоже пророк глаголет, яко тамо заповеда господь благословение и живот до века, яко же бо и раскол безгодный смерти соделовает и брани многия воздвизает и погибели. Увы мне, многим душам ходатайствует сице и любовь и единомыслие от сердца чиста благая живота з безбоязньством всяким и опасением подает, но небесная благая ти дарует, ведяще мы грубии, еже о господе благоразсудное твое прежде всех, якоже и во всех добродетелех преукрашенное послушание. Паче же идеже аще приобретение будет, иже от бога данному ти таланту худо, яко воистину и грубо посылаем писание реченное во уме приемши, воспроси бо рече отца твоего, известит ти старца твоя и рекут || тебе сими нашими письмены. Молим твое добродетельное совершение, еже послати нам ненаученым ни делом, ни словом ненаказанным. Зело бо желает, яко некий ловец хитрый тцтится лов уловити или якоже елень на источники водный, сице и мы желаем от тебе слышати и видети твоего разума посещение. И о сем убо довлеет нами реченная и паки довлеет, да не ушеса твоя честная многоречением грубым упражню, о той убо главизне слово ныне да воспримется, и что нашего настоящего прошения разум и желания подвиг предиды слово скажем, господь помощник и покровитель бысть купно нама и сотворит твоя молитвы действены. Аминь. По сих, отче, глаголю честности твоей, благодарения ти безчисленная воздаю за труды твоя, понеже за все мя || святыми своими писаниями посещаеши и мое желание исполняеши. В настоящи же сия доволна суть. Возмогай о господи душевне и здравствуй телесне и друга своего меншаго яколе обычествовал еси любви и некогда во благополучно время и о тех вопросах моих ко мне отпиши и о сем венце нетленный воспримеши. Аминь. л. 75 об.

(КПИ, № 29, лл. 73 об.—75 об.).